Ш. Р. Кашаф

Политическая модернизация как императив развития Российского государства[1]

Кашаф Шамиль Равильевич — аспирант кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член исследовательского комитета по политической коммуникативистике Российской ассоциации политической науки (e-mail: Kashaf@ur.rags.ru).

Аннотация. В статье рассматривается современный опыт рефлексии экспертным сообществом проблем политического развития России, переживающей инновационные преобразования на подъёме активности институтов гражданского общества и традиционных религиозных конфессий. Модернизация осмысливается как социально-политический процесс, содержащий императивное требование всеобъемлющего институционального реформирования общественных отношений.
Ключевые слова: государство, дискурс, ислам, политическая модернизация, политическая система, политология, мусульманское сообщество, религиозный ренессанс.

Важное место в современном политическом дискурсе отведено политической модернизации России. Тема политического реформирования с особой силой стала проявлять себя в диалоге общественных и политических акторов по окончании выборов в Государственную Думу шестого созыва и, как нам представляется, пролонгирует своё доминирование в дискурсивных практиках в преддверии 1150-летия зарождения российской государственности[2]. О подписании указа[3] о праздновании этого юбилея Президент России

---

[1] Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 11–03–00278а «Модернизация и политическое развитие России».

[2] Традиционная дата возникновения Руси — 862 г., — приуроченная к приходу к власти в Новгороде Рюрика, ранее неоднократно возбуждала общественные и академические дискуссии. Так, например, высказывались мнения, что эта дата «достаточно произвольна, непосредственно с общей логикой отечественного этатогенеза не связана». И сама Русь, призвавшая варягов на княжение, и элементы ее государственности имели более раннее происхождение, с появлением норманнов некоординированное. — См. : *Ильин В. В., Ахиезер А. С.* Российская государственность: истоки, традиции, перспективы, — М. : Изд-во МГУ, 1997. — С. 368.

[3] См. : Указ Президента РФ от 03.03.2011 N 267 «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности» // Сайт Президента Российской Федерации. URL: http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1 547 897 (дата обращения: 19.12.2011).

Д. А. Медведев объявил 3 марта 2011 года на конференции «Великие реформы и модернизация России» за год до выборов нового президента, когда в стране уже однозначно обозначился вектор общественных ожиданий, требовавший усилить политический компонент в модернизационном проекте.

Модернизация — и об этом было сказано президентом в его статье «Россия, вперёд!» — предполагала существенные изменения, как минимум, в трёх сферах[1]. В экономической сфере — движение от сырьевой экономики к экономике знаний и тонких технологий, в политической — это продвижение ценностей и институтов демократии, в духовной — переход от философии патернализма к философии либерализма, сознательно ограничивающей обретённую свободу личной ответственностью индивида. Дальнейшая логика последовательного раскрытия политической составляющей в модернизационном проекте Д. Медведева привела к тому, что в сентябре 2010 г. на Мировом политическом форуме в Ярославле президент окончательно увязывает выход России на путь инновационного развития с модернизацией существующей политической системы, необходимостью улучшения демократических институтов[2].

Объявив о расширении спектра политических приоритетов модернизации, руководство страны резонно рассчитывало на содержательные дискуссии в экспертной среде. Прошедшие в 2010 – 2011 годах в Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, Российской академии государственной службы при Президенте РФ, Институте социологии РАН и других научных и исследовательских центрах страны конференции и круглые столы были посвящены экономическим и социально-политическим аспектам инновационного развития российского общества и получили широкий резонанс[3].

Не претендуя на широкую рефлексию представленного в экспертном сообществе осмысления как самих идей, так и модернизационного процесса, остановимся только на двух сюжетах. Первый касается проблемы сочетаемо-

---

[1] См. : *Медведев Д.* Россия, вперёд! // Газета.ru. — 2009. — 10 сент. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3 258 568.shtml (дата обращения: 20.01.2012).

[2] См. : Выступление Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева на пленарном заседании Мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности» // Сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/8887 (дата обращения: 20.01.2012).

[3] См. : Россия и мир: вызовы нового десятилетия : материалы международной конференции. Москва. АНХ при Правительстве РФ. 21 – 23 января 2010 года. URL: http://w3.ane.ru/konferencii/rossiya-i – mir-vyzovy-novogo-desyatiletiya.html; Модернизация и политическое развитие России на современном этапе : материалы международной научной конференции. Москва. РАГС. 2 апреля 2010 года (VII политологические чтения кафедры политологии и политического управления). — М. : Изд-во РАГС, 2010; Политические аспекты модернизации российского общества. Материалы Всероссийской научной конференции. 6 – 8 октября 2010 года. Махачкала / Под общей редакцией М. К. Горшкова и А.-Н. З. Дибирова. Москва — Махачкала: Изд-во «Лотос», 2010; Публичный интерес, публичная политика и системная модернизация общества: российские проблемы : материалы круглого стола Института социологии РАН, Академии политической наук и журнала «Власть». Москва. ИС РАН. 18 ноября 2010 года // Власть. — 2011. — № 2.

сти темпоритма политической и экономической модернизации; второй — духовно-нравственной составляющей модернизации и, прежде всего, роли религиозного ренессанса в этом контексте.

Экстраполяция на исторический опыт новой России известной сентенции С. Хантингтона, что каждая страна имеет свой период начала и развития модернизационных процессов[1], маркирует конец первого десятилетия XXI века как начальный этап глубокой трансформации сложившегося социального уклада, осуществления перехода на новую модель развития, создания эффективной экономики. Выдвинутая в 2008 году В. В. Путиным задача масштабной модернизации производственной сферы[2] вскоре переросла в амбициозный проект его преемника по всеобъемлющему «осовремениванию» России и её политической модернизации. В опубликованной 10 сентября 2009 г. программной статье президент Медведев позвал Россию вперёд, побуждая её вырваться из экономической и социально-политической отсталости. К политической элите, которую следовало также увлечь национальной идеей, Дмитрий Медведев обратился в 12 ноября 2009 г., используя формат послания Федеральному Собранию: «Вместо прошлой построим настоящую Россию — современную, устремлённую в будущее молодую нацию, которая займёт достойные позиции в мировом разделении труда»[3]. Главной задачей страны Президент РФ Д. А. Медведев назвал осуществление модернизации, связав ее с созданием политически стабильного социально-правового демократического государства с высокотехнологической экономикой и развитой социальной сферой.

Выигравшая от реформ, хорошо материально обеспеченная молодая и активная часть населения с оптимизмом поддержала объявленный Д. Медведевым курс на модернизацию российского общества (60 % против 18 %, по данным Института социологии РАН[4]), обещавшую перспективу лучшего будущего для страны, для нации. Многим хотелось верить, что модернизация по Медведеву — это «не просто модный набор «слоганов», вброшенных в общество с целью придать исторически значимый смысл действиям нынешней власти»[5], а реальная проблема, которую диктует нынешняя мировая действительность.

Однако, переход к «умной экономике», основанной на знании, информации, творческом внедрении технологических инноваций, наталкиваясь на барьеры политической системы, вне зависимости от желаний власти в конце

---

[1] *Huntington, Samuel*. Political Order in Changing Societies. Yale University Press, 1968.

[2] См. : *Путин В. В.* Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» // Сайт Президента Российской Федерации. URL: http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159 528.shtml (дата обращения: 20.12.2011).

[3] *Медведев Д. А.* Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газ. — 2009. — 13 нояб.

[4] Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. — М. : Весь Мир, 2011. — С. 49.

[5] Инновационная модернизация России… — С. 4.

первого десятилетия XX века стал приобретать всё больший политический смысл. Можно сказать, что в это время российская политическая система, как организационный институт, структура, «которая инициализирует и постоянно поддерживает процесс создания, распределения и перераспределения властных постов, полномочий и политических ресурсов»[1], была лишена, говоря метафорой В. Ильина и А. Панарина, «фокусирующей линзы, способной вобрать и направить энергию нации»[2]. Политической системе явно недоставало эффективного механизма «для переработки социальных заказов нации в политические решения и технологии их практической реализации»[3]. Неслучайно, как позже признался Д. Медведев, комментируя на встрече 25 января 2012 года со студентами факультета журналистики МГУ политические реалии полуторагодичной давности, у него самого «возникло ощущение, что нужно добавить воздуха в нашу политическую систему просто потому, что она слишком зарегулирована»[4].

Среди основных рефренов политического дискурса начала второго десятилетия XXI в. зазвучала мысль о необходимости трансформации политической системы путём демократической эволюции. Активная общественность настойчиво посылало власти предупреждающие сигналы, что «модернизация ни в коем случае не может ограничиться экономикой и, тем более, технологией», иначе она будет вынуждена «топтаться на месте, замкнувшись в виртуальной сфере научной фантастики»[5]. От правящей элиты она ожидала осознания императивного требования включить в модернизационный проект принципиально важную составляющую — политическую. Свою скорректированную позицию правительство постаралось донести до академического сообщества в ряде публичных выступлений. «Модернизация — это вопрос не только технологий. Она должна охватывать все стороны жизни общества: технологии, институты, идеологию», — разъяснил Первый заместитель Председателя Правительства РФ И. И. Шувалов[6].

---

[1] *Мизулин М. Ю.* Приложение теории систем к политике и экономике : монография / М. Ю. Мизулин, Ю. Г. Федулов, А. Б. Юсов. — М. : Изд-во РАГС, 2011. — С. 106.

[2] *Ильин В. В., Панарин А. С.* Философия политики. — М. : Изд-во МГУ, 1994. — С. 261.

[3] Там же.

[4] Стенограмма встречи Дмитрия Медведева со студентами факультета журналистики МГУ // Сайт Президента Российской Федерации. URL: http://kremlin.ru/news/14 366 (дата просмотра: 25 января 2012 года).

[5] Инновационная модернизация России. Политологические очерки / Под редакцией Ю. А. Красина. — М. : Институт социологии РАН, 2011. — С. 5.

[6] Стенограмма выступления Первого заместителя Председателя Правительства Российской Федерации И. И. Шувалова на международной конференции «Россия и мир: вызовы нового десятилетия». Москва. 21 января 2010 г. Академия народного хозяйства при Правительстве РФ // Интернет-портал Правительства Российской Федерации. URL: http://www.government.ru/docs/9111 (дата посещения: 21 января 2010).

Между тем, специалисты Института социологии РАН, разработавшие «индекс степени модернизированности сознания», сделали вывод, что в современном российском обществе существуют две полярные группы — модернистов и традиционалистов. По данным 2010 года, в России доля модернистов по типу сознания составила 23 %, доля традиционалистов — 15 %[1]. Установки традиционалистов на зависимость от внешних по отношению к самому человеку обстоятельств, повлиять на которые он не может, патерналистские ожидания и т.д., по замыслу инициаторов модернизации России, должны замещаться либеральными ценностями, философия патернализма должна уступить место философии либерализма. Но пока 61 % россиян убеждены, что без материальной поддержки государства им выжить сложно, и лишь 39 % полагают, что смогут самостоятельно обеспечить комфортную жизнь себе и своим близким[2].

Таким образом, социальная база модернизации в современной России не столь широка, но она есть. В. В. Ильин и А. С. Ахиезер предупреждали: «Наивно думать, что можно провести хозяйственную реформу в узком смысле слова. Она всегда связана с изменением культурных основ, организацией диалога. Без этого акции реформаторов могут привести к последствиям, существенно отличающимся от ожидаемых, они будут протекать в неадекватных культурных, организационных условиях. Реформы не будут освоены, превратятся в фактор развития дискомфорта, ответом на который может быть активизация противостоящих сил»[3].

Политики обязаны откликаться на общественный запрос в силу особенности своей профессии, определявшейся с М. Вебера как призвание. Однако, экспертная политологическая среда весьма специфична: она не сможет удовлетворить тех, кто взыскует «высшей правды», знания «конечного смысла» истории. Политология «даёт не проекты будущего, соответствующие «высшей логике» истории, а инструментальное, рецептурное знание — основу тех или иных технологий», в силу чего её представляют не пророки, а эксперты с их прогнозами и рекомендациями, адресованными «не избранным любимцам истории, а любым заказчикам, помещённым в повседневность, желающим подсчитать шансы или усовершенствовать инструментарий воздействия на среду»[4]. Такое понимание профессионального призвания политологов сегодня не часто раскрывается в академическом сообществе при обсуждении теории и практики модернизации в одном из её важных аспектов — политическом. В этой связи нам представляется важным выделить ряд научных сен-

---

[1] Готово ли российское общество к модернизации? / [М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев и др.] ; под ред. М. К. Горшкова [и др.] ; Рос. акад. наук, Ин-т социологии. М. : Весь мир, 2010. — С. 33.

[2] Там же. — С. 53.

[3] Там же. — С. 355 – 356.

[4] *Ильин В. В., Панарин А. С.* Указ. соч. — С. 197 – 198.

тенций, озвученных в РАНХиГС на конференции «Политическая модернизация России в экспертном сознании»[1].

В рамках дискуссии императив политической модернизации категорично звучал начиная с первых выступлений. Так, президент Академии политической науки О. Ф. Шабров убеждал, что «никакая модернизация не будет успешной, если она не затронет политические институты и сферу принятия государственных решений»[2]. Силами одного только государства и в интересах только элитных групп, как это было в большинстве догоняющих модернизаций, осуществить инновационную модернизацию в эпоху построения позднеиндустриального общества, и непродуктивно, и невозможно.

Позиция О. Шаброва во многом была поддержана Я. А. Пляйсом, заведующим кафедрой истории и политологии Финансового университета при Правительстве РФ, заместителем председателя экспертного совета ВАК РФ по политическим наукам. Учёный заострял внимание на имеющейся неопределённости идеологического и политического вектора развития страны: на различных уровнях власти этот вектор декларативно обозначается как направленный к демократии, но, на самом деле, он укрепляет авторитарное правление в России. Политическая система, несмотря на минусы тандемократии, раскалывающей элиты и в значительной степени всё общество, превращает её в устойчивый властный институт. По мнению Я. А. Пляйса, не лишена недостатков и существующая пропорциональная система выборов в законодательные (представительные) органы государственной власти, Смешанная система была бы более эффективной, конкурентной и стимулирующей как борьбу за власть, так и борьбу личностей. В общем, современная модернизация должна быть только системной, а значит, и политической.

Мысль о том, что модернизационное политическое развитие зависит от достижения единства между креативным политическим классом, лидерской группой, формулирующей линии политического прорыва общества, и силами гражданского общества, бизнес-сообщества, продвигает Л. И. Никовская, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Без достижения такого единства, реализуемого через публичную сферу и публичную политику, одними бюрократическими усилиями или пиаровскими технологиями добиться политической модернизации невозможно. Этот вывод подкрепляют и результаты проведённых в 2009 – 2011 гг. в российских регионах экспериментальных исследований состояния публичной политики, представленные её коллегой В. Н. Якимцом, главным научным сотрудником Института си-

---

[1] Конференция проведена 18 ноября 2011 года в Москве в РАНХиГС кафедрой политологии и политического управления совместно с Академией политической науки при грантовой поддержке РГНФ (проект № 11 – 03 – 00278а).

[2] *Шабров О. Ф.* Вступительное слово // Политическая модернизация в XXI веке: мировой опыт и российская практика : материалы международной научной конференции. РАГС. 3 декабря 2010 года. — М. : Изд-во РАГС, 2010. — С. 5.

стемного анализа РАН. Социологические опросы ИСА РАН свидетельствуют о том, что на региональном уровне наметилось снижение качества коммуникаций, механизмов диалога государства и общества при принятии, реализации и оценке результатов социально значимых решений, а также межсекторного социального партнёрства. Недооценка потенциала публичной политики стала фактором торможения политической модернизации.

Эмпирические данные и последние события подтверждают многое из того, что высказывается экспертами в дискуссиях и литературе. Если в 2008 г. будущее Российского государства нашими согражданами виделось, скорее, в светлых красках (так, 42 % опрошенных Институтом социологии РАН, думая о будущем страны, испытывали надежду и уверенность[1]), то в 2011 г. выявлено лишь 23 % тех, кто уверен, что страна в ближайшие годы будет развиваться успешно. 39 % опрошенных не разделяют подобного оптимизма и, напротив, ожидают наступления «трудных перемен», а 38 % считают, что ничего принципиального не изменится и всё будет примерно так же, как и сейчас[2]. Наиболее продвинутый в креативном и политическом смыслах средний класс ожидал от власти не тщетной суеты с часовыми стрелками, а принципиального перехода России на «новое политическое время». Как обнаруживают социологи, уже не только успешные граждане, но и большая часть населения приходит к выводу, что тема модернизации, заявленная президентом Медведевым, «начинает постепенно выхолащиваться, приобретать «дежурный» характер и уже в силу этого перестаёт быть… серьёзной альтернативой курсу его предшественника»[3].

Считается, что изменений в политической системе «нужно ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы политическая система стала руководителем, движущей силой модернизации»[4]. Однако, при всей важности достигнутых в стране экономических успехов полноценный проект «великих» политических реформ инициаторами модернизации так и не был предъявлен российскому обществу. Отдельные «инсталляции обновлений» политической системы, сконфигурированной тандемом Путина-Медведева, либо «зависли», так и не распаковавшись, либо не привели к заметным инновационным эффектам.

В довершение ко всему «маленькая победоносная война» партии власти, далеко не вчистую выигранная «Единой Россией» в 2011 году на выборах в Государственную Думу РФ, вызвала многотысячные выступления граждан «сытых, но недовольных» нечестностью властей при организации

---

[1] Чего опасаются россияне? — М. : Институт социологии РАН, 2008. — С. 30.

[2] Двадцать лет реформ глазами россиян… — С. 306.

[3] Там же. — С. 54.

[4] *Макаренко Б. И.* Политическое измерение российской модернизации // Модернизация и политическое развитие России на современном этапе… — С. 11.

выборов. Так, нерешённость особо острых проблем политической модернизации по Д. Медведеву обернулась для В. Путина накануне президентских выборов протестными митингами и демонстрациями на Болотной площади и проспекте Сахарова в Москве и ряде городов страны.

По сути о возможности такого исхода эксперты предупреждали политическую элиту ещё до запуска Д. Медведевым его версии модернизационного проекта. «Приходится признать, что сейчас большая вина за барьеры на пути национального диалога лежит на политико-идеологической ветви власти, — писал политолог Иосиф Дискин в книге „Прорыв. Как нам модернизировать Россию". — Головокружение от успехов централизации, убеждённость в непогрешимости и стремление к идеологическому доминированию явно снизили её готовность к диалогу, изначально предполагающему готовность к компромиссу… В результате в оппозицию выталкиваются те, кто при политике „вовлечения" могли бы постепенно стать опорой новой модернизационной коалиции. Более того, такая политика „подмораживания" политической стабильности загоняет вглубь реальные противоречия институционального развития, подрывая тем легитимность власти — самый её фундамент. Такая „негативная" стабильность — бочка динамита под будущей модернизацией. Даже временное обострение ситуации, практически неизбежное на пути глубоких перемен, может вести к подрыву всего курса реформ»[1].

В оценке современного уровня развития и образах будущего сегодняшняя Россия стоит перед сменой парадигм и накануне возможной переоценки многого из того, что казалось очевидным ещё несколько лет назад. На фоне растущего недоверия к политическим и экономическим элитам, размывания границ между демократией и авторитаризмом единственным институтом гражданского общества, повысившим к себе доверие россиян, являются традиционные религиозные общины. Церковь всё чаще называют политическим актором, способным чётко артикулировать цели, имеющим внятную систему ценностей и ресурсы в поле публичной политики. В этой связи обратимся к другому из двух заявленных в начале статьи сюжетов — духовно-нравственном компоненте модернизации и роли религиозного возрождения в социально-политическом процессе.

Осмысление политических процессов как изменений характеристик и состояния политической системы, в рамках традиционной институциональной политологии перестаёт быть эффективным и требует включения иных референтов, в том числе религиозных. Не случайно Юргеном Хабермасом была предложена концепция постсекулярного общества, которая направлена на примирение дихотомии светского и религиозного. Полноформатное включение религиозных институтов в политические процессы становится только

[1] *Дискин И. Е.* Прорыв. Как нам модернизировать Россию. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — С. 304.

делом времени, чему также способствует и то обстоятельство, что «в ходе демократических преобразований «политическое» не утратило полностью свою связь с религией»[1].

Идеологический кризис в постперестроечной России, к которому привели падение коммунистической идеологии, становление многопартийности и усилия по деидеологизации политической сферы, по-прежнему поддерживает в обществе настроения, что идеологическое пространство может быть заполнено национальной идеей, репрезентированной с участием религиозных сообществ. «Потому что народ, особенно Россия — многонациональный, многорелигиозный народ, который находится на таких огромных пространствах, не может жить без идеи, без объединяющей идеи»[2].

Интенсивное и весьма зримое возвращение религии в публичную политику рядом исследователей рассматривается как свидетельство переживаемого в стране религиозного ренессанса. Понятие «религиозный ренессанс», или «религиозное возрождение» (religion revival), получившее достаточно широкое хождение в последние десятилетия XX века, распространилось в России в 1990-е гг. в связи с кардинальным изменением общественно-политической ситуации и выходом религий из социальной тени. Религиозный ренессанс охватил все процессы и явления, отражающие укрупнение и укрепление религиозных структур и институтов, их веса и влияния в общественно-политической жизни — «независимо от институциональной конфессиональной принадлежности и степени социальной конструктивности данных процессов»[3].

В результате в этой области в последние годы произошли весьма существенные сдвиги — все традиционные российские конфессии упрочили своё положение и статусные роли, религиозная идентичность приобрела достаточно устойчивую форму[4], в школах России проведён эксперимент преподавания основ религиозной культуры и светской этики, решается вопрос о введении соответствующего курса во всех школах страны с 2013 учебного года, организуется работа на постоянной основе в Вооружённых силах священнослужителей, представляющих традиционные российские конфессии и, «как достойное завершение процесса десекуляризации общественного сознания,

---

[1] *Хабермас Ю.* Что такое «политическое». Рациональный смысл сомнительного наследия политической теологии // Русский журнал. URL: http://russ.ru/Mirovaya-povestka/CHto-takoe-politicheskoe (дата обращения: 01.02.2011).

[2] Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на встрече председателя Правительства РФ В. В. Путина с лидерами традиционных религиозных общин России // Официальный сайт Русской Православной Церкви. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/2 004 759.html (дата посещения: 8 февраля 2012 г.).

[3] *Лебедев С. Д.* Религиозный ренессанс как социальная реальность: к демифологизации понятия // Социологический журнал. — 2007. — № 2 — С. 34.

[4] По данным Института социологии РАН, в 2010 году 88 % россиян ответили, что имеют те или иные религиозные верования. — См. : Готово ли российское общество к модернизации?.. — С. 104.

правящая партия страны заговорила о православной церкви как важном субъекте модернизации»[1].

Россия — светское государство, в котором религия, согласно Конституции, отделена от государства. Но религия не изолирована от социума, и Церковь осуществляет важную социальную функцию — обеспечить моральные основания и принципы для выживания людей, создать духовно-нравственные скрепы для солидарного человеческого обустройства. «Исполняя миссию спасения рода человеческого, Церковь делает это не только через прямую проповедь, но и через благие дела, направленные на улучшение духовно-нравственного и материального состояния окружающего мира. Для сего она вступает во взаимодействие с государством, даже если оно не носит христианского характера, а также с различными общественными ассоциациями и отдельными людьми, даже если они не идентифицируют себя с христианской верой»[2].

Спасительная миссия Церкви сближает её интересы с интересами государства. Согласно аксиоме великого русского мыслителя первой половины XX века И. А. Ильина, государство «*призвано возводить каждый духовно-верный и справедливый интерес отдельного гражданина в интерес всего народа и всего государства*. Если государство это делает или, по крайней мере, стремится к этому, то оно выполняет своё духовное и христианское призвание, становится через это *социальным государством* и воспитывает этим своих граждан в духе *христианской политики*. И тогда оно становится орудием всеобщей солидарности и гражданского братства»[3].

С наступлением третьего тысячелетия уже большинство политических проблем, по замечанию М. М. Мчедловой, приобретает социальный резонанс только вследствие наделения их религиозными смыслами, «тогда как религиозные интенции становятся востребованными прежде всего в политическом пространстве»[4]. Этот вывод в достаточной мере верифицируется эмпирическими референтами.

Например, Русская Православная Церковь, неоднократно выражавшая свою готовность к участию в модернизационном дискурсе[5], в средствах мас-

---

[1] Готово ли российское общество к модернизации?.. — С. 103.

[2] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Официальный сайт Русской Православной Церкви. URL: http://www.patriarchia.ru/db/print/141 422.html (дата посещения: 10.01.2012).

[3] *Ильин И. А.* Путь духовного обновления / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Ю. Т. Лисицы. — М. : Русская книга — XXI век, 2006. — С. 213.

[4] *Мчедлова М. М.* Религиозные смыслы современной политики: потребность в новом осмыслении // Социология в системе научного управления обществом : Материалы IV Всероссийского социологического конгресса. Москва. 2 – 4 февраля 2012. [Электронный ресурс]. — Москва: ФГБУН «Институт социологии Российской академии наук, IT центр Института социологии РАН, 2012. — С. 772.

[5] См. : Интервью Святейшего Патриарха Кирилла для программы «Национальный интерес» (телеканал «Россия»). 21 ноября 2009 г. // Официальный сайт Русской Православной Церкви. URL: URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/950 675.html (дата обращения: 20.12.2011).

совой коммуникации широко обсуждает вопрос развития российской политической системы, её правовых и философских основ. «Ключевые для экономики и политики выводы, поспешно сделанные в 90-е годы, сегодня многих не устраивают, а отчасти опровергаются самой жизнью, — раскрывает в СМИ позицию Московского патриархата глава синодального Отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей В. Чаплин. — Путь России в XXI веке ещё нужно определять, и делать это надо при решающем участии больших социальных групп»[1].

РПЦ в своей трактовке модернизации не связывает её успешность исключительно с экономической реформой, технологическим переоснащением российской экономики, современной инфраструктурой. В понимании Святейшего Патриарха Кирилла (Гундяева), модернизация — «это, в первую очередь, построение новой системы отношений между людьми, в том числе и в бизнесе, в промышленности, в образовании, в науке, которая бы основывалась на нашем национальном нравственном фундаменте»[2].

О необходимости движения общества к демократическим институтам, к своей саморегуляции, к своему устройству, исходя из внутренних процессов развития, заявляют и представители исламского сообщества, значительно публично активизировавшееся. Как объясняет политолог Р. М. Мухаметшин, сегодня стало очевидно, что духовные управления мусульман «вплотную подошли к пониманию необходимости более чёткого определения своего места в сфере политических отношений»[3]. В праздничных проповедях, обращённых к молящимся в мечетях, и в официальных встречах с государственными руководителями духовные наставники подчёркивают стремление российских мусульман внести свой вклад в модернизацию и процветание государства[4]. «Мусульмане России решительно настроены на укрепление российской государственности», — заявляет Председатель Совета муфтиев России муфтий шейх Р. Гайнутдин[5].

Учитывая, что на современном этапе в нашем обществе наиболее высокую степень сплочённости среди крупных религиозных групп демонстрирует му-

---

[1] Статья Путина о демократии обнадёжила Русскую церковь // Интерфакс-Религия. URL: http://www.interfax-religion.ru/?act=dujour&div=242 (дата посещения: 7.02.2012).

[2] См. : Патриаршее слово на встрече с руководством и членами Клуба православных предпринимателей 8 декабря 2009 г. // Официальный сайт Русской Православной Церкви. URL: http://www.patriarchia.ru/db/print/960 671.html (дата посещения: 01.01.2012).

[3] *Мухаметшин Р. М.* Становление конфессиональной политики в России: опыт Татарстана // Политэкс. — 2010. — № 2. URL: http://www.politex.info/content/view/695/30 (дата посещения: 10.01.2012).

[4] См. : Проповедь муфтия шейха Равиля Гайнутдина (Курбан-Байрам) 6 ноября 2011 года // Официальный сайт Совета муфтиев России. URL: http://www.muslim.ru/1/cont/33/36/2575.htm (дата обращения: 20.12.2011).

[5] См. : Муфтий Шейх Равиль Гайнутдин на встречах с главами российского государства и правительства // Ислам Минбаре [Трибуна ислама] // Общероссийская газета Духовного управления мусульман Европейской части России. — 2011. Август. — № 8 (189).

сульманская община России, что вызвано не только особенностями исламского вероучения, но и некоторыми историческими и социально-политическими факторами[1], консолидированная поддержка модернизационного проекта 20 миллионами граждан из числа российских мусульман[2] способна привнести позитивную энергию возрождающегося ислама на благо всего российского общества и укрепление современного российского государства.

Если ещё в начале 90-х годов XX столетия религиозные институты «после десятилетий вынужденной отчуждённости не смогли сразу взять на себя роль духовного поводыря оказавшегося без «руля и ветрил» общества»[3], то уже в 20-е годы XXI в. заявления религиозных лидеров во многом воспринимаются «как критерий истины», оказывающий влияние на «выбор определённой политической стратегии и векторы массовых настроений и доминирующих оценок в массовом сознании»[4]. О степени доверия значительной частью населения Церкви как социальному институту свидетельствуют результаты различных социологических опросов. Среди них можно указать и данные всероссийского исследования религиозности населения[5], проведённого в ноябре 2011 года Отделом социологии религии ИСПИ РАН. Так, Церкви доверяет 50 % опрошенных, не доверяет 39 %, затруднились ответить — 12 %[6].

Моральный авторитет РПЦ позволяет её руководителям обращаться к светской власти, не выстроившей эффективные каналы для проведения политического дискурса между властной элитой и оппозицией в период между выборами. Российские СМИ наполнены призывами Патриарха Кирилла к политикам реагировать на протестные настроения россиян, прислушаться к тому, что есть «в религиозных организациях, да и в жизни народа, что требует некоего внимания власти, а может быть, и коррекции курса»[7]. Как спра-

---

[1] *Рябков И. Ю.* Формирование парадигмы существования ислама в современной России. Внутриполитический и внешнеполитический аспект // Информационно-аналитический портал «Ислам в Российской Федерации». URL: http://www.islamrf.ru/news/islam-world/umma/2495 (дата посещения: 02.01.2012).

[2] В современной литературе нет единства во мнении о реальной численности мусульман в Российской Федерации. Тем не менее, Президент РФ Д. А. Медведев в своём выступлении 23 июня 2009 года в Каире на совещании постоянных представителей стран — членов Лиги арабских государств, называя ислам неотъемлемой частью российской истории и культуры, говорит о двадцати миллионах российских гражданах-мусульманах. — См. : Сайт Президента Российской Федерации. URL: http://kremlin.ru/transcripts/4804 (дата посещения: 2.02.2012).

[3] Двадцать лет реформ глазами россиян… — С. 213.

[4] *Мчедлова М. М.* Указ. соч. — С. 772 – 773.

[5] В ходе исследования было опрошено 1600 респондентов в 33 населенных пунктах РФ по репрезентативной выборке по полу, возрасту, типу населенного пункта.

[6] *Синелина Ю. Ю.* Новые тенденции в изменении религиозности россиян // Социология в системе научного управления обществом… — С. 785.

[7] Патриарх Кирилл пригласил Путина на нелицеприятный разговор с религиозными лидерами, премьер согласился // Интерфакс-Религия. URL: http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=44 029 (дата посещения: 2.02.2012).

ведливо замечает исследователь политических религий С. А. Семедов, «подвешенное» состояние не может длиться бесконечно, дальнейшее углубление кризисной ситуации в России только «будет способствовать распространению идей радикального исламизма, так же как и радикализации российского православия»[1].

Солидарно с религиозными акторами призывают власть к учёту мнения протестующих на после- и предвыборных митингах и светские эксперты, считающие, что «от участия альтернативных политических игроков зависит выработка «интегративной идеологии» модернизации или развития России, которая родится из их политических дискуссий»[2].

Публичное использование разума как религиозными, так и нерелигиозными гражданами, Ю. Хабермас в одной из последних своих статей «Что такое «политическое». Рациональный смысл сомнительного наследия политической теологии», относит к приметам постсекулярной эпохи. Присутствие в дискурсе светских и религиозных граждан, находящихся друг по отношению к другу в отношениях комплементарности, на взгляд известного немецкого философа, «вполне может стимулировать совещательную политику в плюралистическом гражданском обществе и привести к извлечению семантического потенциала религиозных традиций во благо более общей политической культуре»[3].

Весьма близкую к Ю. Хабермасу позицию мы обнаруживаем и в рассуждениях авторов труда «Сакральное и секулярное: религия и политика в современном мире» — П. Норриса и Р. Инглхарта. В отличие от постиндустриальных обществ, где разрушены религиозная принадлежность и ценности, где конфессиональная идентичность играет менее важную роль в электоральном поведении, в развивающихся странах, напротив, полагают авторы, «религия будет продолжать играть важную роль в политике»[4].

К этому утверждению, несущему печать пророчества, известный американский социолог и специалист в области исследования модернизационных процессов, директор Центра политических исследований при Институте социальных исследований Университета штата Мичиган, профессор Рональд Инглхарт ещё раз вернулся, отвечая на вопрос интервьюеров из «Русского журнала». Может ли Россия оказаться перед очень неудобной дилеммой — православие или модернизация? — интересовались они у мичиганского учёного и получили ответ, контрастирующий с позицией московского политолога Д. Орешкина, изложенной на интернет-сайте Би-би-си.

---

[1] *Семедов С. А.* Ислам в политике: идеология и практика. — М. : Экон-Информ, 2009. — 233.

[2] *Тимофеева Л. Н.* Модернизация России как альтернатива кризису невозможна без диалога власти и оппозиции // Социология власти. — 2011. — № 8. — С. 41.

[3] *Хабермас Ю.* Что такое «политическое»…

[4] *Pippa Norris, Ronald Inglehart.* Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge University Press, 2004. P. 22.

Любая религия, вполне совместима с модернизацией, убеждён Инглхарт, если она принимает плюрализм и не навязывает никому единую обязательную систему верования[1]. Орешкин высказывает диаметрально противоположное мнение: любая религия плохо подходит в качестве духовной основы для реформ и обновления. И разъясняет: «Религия — это не инновационная вещь вообще. Религия — вещь консервативная, она адресуется свойствам и ценностям тысячелетнего масштаба»[2]. У Р. Инглхарта всё же имеется необходимая оговорка, требующая исключить диктат, который бы предписывал людям, во что им верить. В этом случае, замечает профессор, никакой модернизации не будет. «Необходима свобода мысли и совести. Это жизненно важно. Иначе православие окажется конфессией, несовместимой с модернизацией. Если людям навязывается государственная религия, то я бы назвал это смертью модернизации»[3].

Мы сознательно извлекаем из речевых текстов двух оппонентов (возможно даже и незнакомых друг с другом) их обоснованные позиции, чтобы в сконструированном нами виртуальном дискурсе совместимости модернизации и религии сблизить взгляды оппонентов на важность этой общественно-политической темы[4]. «Политизация религии и конфессионализация политики требует отхода от традиционных эпистемиологических рамок рассмотрения соотношения религия и общества, религии и политики. Во многом, сами понятия религии и религиозного фактора приобретают иное референтное звучание, отражающее их иное прочтение и проявление»[5].

Вопрос религиозного диктата какой-либо одной веры, не совместимого, в понимании Р. Инглхарта, с модернизацией, приобретает дополнительную коннотацию в контексте предвыборной риторики кандидата в президенты В. Путина. Позиция идущего на третий президентский срок Владимира Путина, изложенная в его статье «Россия: национальный вопрос», исключает диктаторский подход в применении ко всем институтам политической системы. «Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности

---

[1] См. : *Павлов А., Узланер Д.* Религия и модернизация совместимы // Русский журнал. URL: http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Religiya-i – modernizaciya-sovmestimy (дата посещения: 20.01.2012).

[2] *Кречетников А.* Эксперты «ЕР» предложили России православную модернизацию // сайт Русской службы Британской вещательной корпорации (Би-би-си). URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2010/02/100217_russia_modernization_religion.shtml (дата посещения: 05.02.2012).

[3] Там же.

[4] О политическом дискурсе как «обмене обоснованными позициями, взглядами на важную общественно-политическую тему в соответствии с определенными правилами с целью сближения позиций сторон, в результате чего предпринимаются действия для решения социально значимых проблем». — См. : *Тимофеева Л. Н.* Становление и развитие политических коммуникаций // Идейно-символическое пространство постсоветской России : динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О. Ю. Малиновой. — М. : Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — С.170.

[5] *Мчедлова М. М.* Указ. соч. — С.772.

выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности», — доказывает Председатель Правительства России[1].

В этом вопросе он апеллирует к рассуждениям философа И. А. Ильина о характере русской государственности, призывавшего «не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь, не задушить иноплеменную и инославную жизнь, а дать всем дыхание и великую Родину… всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство»[2]. Именно такое признание национального и религиозного многообразия России давало возможность объединять территории и инкорпорировать элиты нерусских и «инославных», по Ильину, народов, как прекрасно показал австрийский исследователь А. Капеллер[3]. Вот почему многовековой опыт совместного исторического творчества разных народов в одном, едином Российском государстве принимается В. Путиным в другой его программной статье «Демократия и качество государства» как безусловная ценность, выступающая наравне с русским языком, русской культурой, другими интеграторами российского социума.

Статус мощного скрепляющего фактора Путин также отводит Русской православной церкви и другим традиционным российским религиям[4]. Подобные метафоры лидеров страны, диссонирующие в пространстве публичной коммуникации с незыблемой позицией светскости государства, становятся весьма характерными для обществ постсекулярной эпохи. В таком обществе, по замечанию Юргена Хабермаса, утверждается признание того, что «модернизация общественного сознания» при переходе к новой фазе охватывает и рефлективно изменяет как религиозные, так и светские менталитеты»[5]. В России подобные модернизационные эффекты ещё больше приводят к политизации религиозных сообществ и сакрализации публичной политики.

Подводя итог рефлексии в научном и религиозных сообществах относительно политической модернизации России, следует признать, что приоритетный национальный проект модернизации России затронул в обществе чувствительные струны. «Отодвинуть» его в сторону и забыть по окончании президентских выборов 2012 года вряд ли будет возможно. Вместе с тем определённо ясно, что сегодня для России возможна только многосфер-

---

[1] *Путин В. В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газ. — 2012. — 23 янв.

[2] Там же.

[3] См. : *Капеллер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. — М. , 2000; *Он же.* Россия — многонациональная империя: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // Ab Imperio. — 2000. — № 1.

[4] См. : *Путин В. В.* Демократия и качество государства // Коммерсантъ. — 2012. — 6 февр.

[5] *Хабермас Ю.* Между натурализмом и религией. Философские статьи / Юрген Хабермас; пер. с нем. М. Б. Скуратова. — М. : Изд-во «Весь мир», 2011. — С. 106 – 107.

ная модернизация — экономическая, политическая и духовно-нравственная. А. Солженицын писал, что «возможности улучшить общество одними только политическими средствами — невелики», необходимо соответствующее состояние нравственности. В проект «осовременивания» России должно быть включено самое широкое представительство институтов гражданского общества, включая традиционные религиозные объединения, взаимодействующие в симфонии вместе с государством. Государство вправе само дирижировать всеми модернизационными процессами, в том числе и политическими, задавая именно тот темпоритм, который приведёт к общественной гармонии и исключит какофонию протестующих площадей.

Особенностью современного политического дискурса следует признать и появление общей площадки, вмещающей действующих около политики представителей светских и религиозных институтов гражданского общества, где помимо и часто вместо собственно публичных политических акторов[1], агентов и институтов создаются и конструируются формы и содержание политических инноваций в современной России. Очевидны претензии субъектов религиозного ренессанса занять своё место «продуцирования новых инновационных идей и проектов», используя в том числе многовековой опыт создания и эффективного поддержания системы идолов и идеалов, в которых резко возрастает потребность в десекуляризирующемся обществе. «Именно там, в зонах достаточно широкой свободы (и негативной, и позитивной) творчества возникает нечто инновационное применительно к общественному развитию нашей страны»[2].

Развернувшиеся на этих площадках дискуссии относительно задач, целей и результатов политической модернизации России во многом отражают имеющийся в обществе плюрализм мнений и позиций. В их продуцирование сегодня вовлечены экспертное сообщество, политическая элита, духовные лидеры. Комплементарно выстроенные в дискурсивных практиках оппозиции светских и религиозных граждан детерминированы постсекулярными изменениями в пред-постиндустриальном обществе. Вовлечение граждан в конститутивное для демократического процесса взаимодействие, независимо от их религиозной принадлежности и конфессиональной идентичности, фундировано самой природой гражданского общества, эволюционирующего благодаря и посредством сетей неформальных коммуникаций, в достатке изобилующих в публичной сфере Постмодерна.

При отсутствии явно артикулируемой интегративной идеологии, которая бы сплачивала российское общество в эпоху перемен, Церковь, опирающаяся на моральные ценности, позиционирует себя в качестве медиато-

---

[1] Политический актор — лицо или общественная группа, воздействующая на процесс принятия и осуществления решений в данной политической системе.

[2] *Мизулин М. Ю.* Указ. соч. — С. 105.

ра, примиряющего общество с государством, население, по большей части остающееся традиционалистским и патерналистским, с политическими и бизнес-элитами, избравшими либеральные модернистские ценности. Светским и религиозным сообществами ещё окончательно не найдены решения поставленных проблем, а значит, рефлексия политической модернизации России в экспертном сознании должна быть продолжена.

Список литературы

1. Готово ли российское общество к модернизации? / [М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев и др.] ; под ред. М. К. Горшкова [и др.] ; Рос. акад. наук, Ин-т социологии. М. : Весь мир, 2010.
2. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под. ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Весь мир, 2011.
3. *Ильин В. В., Ахиезер А. С.* Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М. : Изд-во МГУ, 1997.
4. *Семедов С. А.* Ислам в политике: идеология и практика. М. : Экон-Информ, 2009.
5. *Тимофеева Л. Н.* Модернизация России как альтернатива кризису невозможна без диалога власти и оппозиции // Социология власти. 2011. № 8.
6. *Хабермас Ю.* Что такое «политическое». Рациональный смысл сомнительного наследия политической теологии // Русский журнал. URL: http://russ.ru/Mirovaya-povestka/CHto-takoe-politicheskoe.
7. *Pippa Norris, Ronald Inglehart.* Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge University Press, 2004.

© Ш. Р. Кашаф, 2012